

ВРЯД ЛИ задумывались пятьдесят лет назад создатели плана ГОЭЛРО, что творят они не только проекты будущих электростанций, но и определяют на десятилетия развитие нашей литературы. А между тем вместе с созданием великого плана набрасывались тогда контуры грядущих человеческих отношений. Разве не стали и Шатура, и Днепрогэс, и Братск символами разных этапов социалистического строительства? Шатура связана для нас с временем первых коммунистических субботников, Днепрогэс — с пламенным порывом пятилеток, а Братская ГЭС явилась воплощением мечты молодежи о великих свершениях, о покорении стихий.

И каждая такая века, каждый этап находили потом свое отражение в литературе. Как происходил этот процесс, я понял 16 лет назад, побывав на Иркутской ГЭС.

Путешествие это не было поездкой на строительство. В Иркутске у нас были свои писательские дела, ведь вскоре предполагался писательский съезд, и оставалось еще многое организовать.

Сейчас я понимаю, что Иркутская ГЭС по нынешним масштабам была не слишком большой стройкой. Но для меня она представляла тогда огромный интерес. И с точки зрения человеческих характеров, и как некая социальная реальность, воздействующая на судьбы людские. Честно говоря, меньше всего меня интересовала «техника». Я вообще считаю, что драматург, в отличие от прозаика и, может быть, даже поэта, не должен быть очень уж густо напичкован специальными знаниями. Ведь главное для сцены — человек, система отношений, которая складывается между людьми.

Бродя по стройке, я не собиравшись сразу получать ответы на то, что меня удивляло. Важно было недоумевать, стараться понять, догадываться.

Однажды, идя по берегу Ангары, я запомнил поразившую меня сцену, хотя она, по сути дела, происходила уже за территорией стройки. Четыре молодых парня разостлали прямо на земле цветной платок. Неподалеку стояли пожи-

лой рабочий и девушка лет восемнадцати. Потом они все сели, разлили в кружки бутылку вина, рабочий что-то сказал им, они посмотрели друг на друга, чокнулись, выпили и разошлись.

И я с грустью подумал тогда, что никогда не узнаю, что происходило в эту самую минуту. А ведь увиденных мною людей связывали какие-то жизненные коллизии, уж слишком не похожи были они на алкоголиков, да и бутылка вина говорила скорее о суровой символике, чем о веселых тостах.

А потом милый человек — писатель Франц Таурин, тогдашний редактор многотиражки строительства Иркутской ГЭС — нака-

л писатель. Столько времени рассматривали машину, а о тех пятерых, что на ней работают, даже не спросили. А людей этих, между тем, связывает необычайная история.

Так я услышал о случае, очень близком по факту, очень близком по фабуле тому, что потом описал в «Иркутской истории». Близком, но, разумеется, далеко не во всем похожем...

Оказывается, женщина, работавшая на экскаваторе, была вдовой его погибшего начальника. Экипаж решил взять ее к себе на машину. И хотя у нее не было никакой специальности, она получала ту же зарплату, что и погибший муж, а люди учили ее.

Алексей АРБУЗОВ

Л Ю Д И И С Т А Н Ц И И

нуне отъезда повез меня и поэтессу Маргариту Алигер смотреть большой шагающий экскаватор. С удивлением глядя на это творение рук человеческих, я думал о нем только как об удивительной и совершенной машине. Совершенной изяществом и лаконизмом своих форм. Когда же я увидел, как действует и живет эта машина, а она действительно жила, мне показалось, что это творение инженеров подобно по своей эстетической природе «Мадонне Литте» Леонардо да Винчи. Сознаюсь честно, об управляющих ею людях я как-то не думал.

Когда наш поезд отъезжал уже в Хабаровск, Таурин сказал мне:

— Послушайте, Алексей Николаевич, а ведь вы

его последнее слово о товарище по экскаватору. Едва меня осенила эта мысль, сразу же заработала писательская фантазия, и постепенно стал складываться в единую конструкцию сюжет.

Пьеса «Иркутская история» была написана мною в необычно короткий для меня срок. Так живы были оставленные стройкой Иркутской ГЭС впечатления, так ощущались люди и их замечательный дух, что я писал, не отрываясь. А ведь между видимым и написанным пролегли долгие пять лет.

Однажды, когда пьеса давно уже игралась в театре, я вновь попал в обстановку, весьма сходную с той, что описывалась в «Иркутской истории». Я приехал тогда на премьеру в Пражский национальный театр. Шла генеральная репетиция. Зал был полон. И вдруг я с ужасом услышал, что зрительный зал отчаянно кашляет. Для актеров, режиссеров и драматургов нет ничего страшнее кашля. С ним связан провал, свист или гробовое молчание зрителей.

Я не раз бывал за рубежом, но здесь просто растерялся. Видимо, «Иркутская история» для зала чем-то не подходила.

В антракте, чувствуя недоброе, я спросил о причине столь странного поведения зрителей. Мне ответили нечто совершенно неожиданное. Оказывается, генеральная репетиция шла для работников гидрокосада на Влтаве. На ней присутствовали строители, а всю последнюю неделю — был ноябрь месяц — стояла скверная, непривычная для этих мест погода. Люди работали в очень сложных условиях, и многие протушились. Так они и приехали в театр. У меня отлегло от души. И надо ли говорить, как я был счастлив, когда по окончании спектакля зрители охрипшими голосами вызывали актеров.

А через три дня гидростроители позвали нас к себе в местечко Орлик на Влтаве обсуждать наш спектакль. Поехали и исполнители, и режиссер, и я. Была осень, падали листья, я смотрел по сторонам, и все вокруг удивительно напоминало мне берега Ангары.

Иркутская история снова повторялась.

Мин. 205. 1980, 23 дек. 1982